

Кошки не ходят на работу

СТЕЙСИ Ю

Главное — никогда не вырасти

Акценты (Аттикус)

Стейси Ю

Кошки не ходят на работу

«Азбука»

2026

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Ю С.

Кошки не ходят на работу / С. Ю — «Азбука», 2026 — (Акценты (Аттикус))

ISBN 978-5-389-34406-8

Кэти окончила колледж и стоит на пороге взрослой жизни. Вот только думать о поисках работы и прочих проблемах ей совсем не по душе... Вместе с влюбленным в нее Джеймсом девушка отправляется в путешествие – посмотреть на океан, которого она никогда не видела. Джеймс берет в поездку свою любимицу – серебристую кошку Силвер, и внезапно Кэти ощущает головокружительное родство с Силвер. Кошке не нужно искать работу, скучать на званом ужине или пытаться помириться с матерью, ей позволено целыми днями валяться на диване, устраивать каверзы и капризничать. Что бы она ни делала, все ее любят и кормят. Не о такой ли жизни мечтает сама Кэти? Этот звонкий дебютный роман, то по-кошачьи игривый, то неожиданно глубокий и проникновенный, – чуткое размышление о том, что значит быть самим собой во «взрослом» мире, который сбивает с толку и манит надеждами и обещаниями.

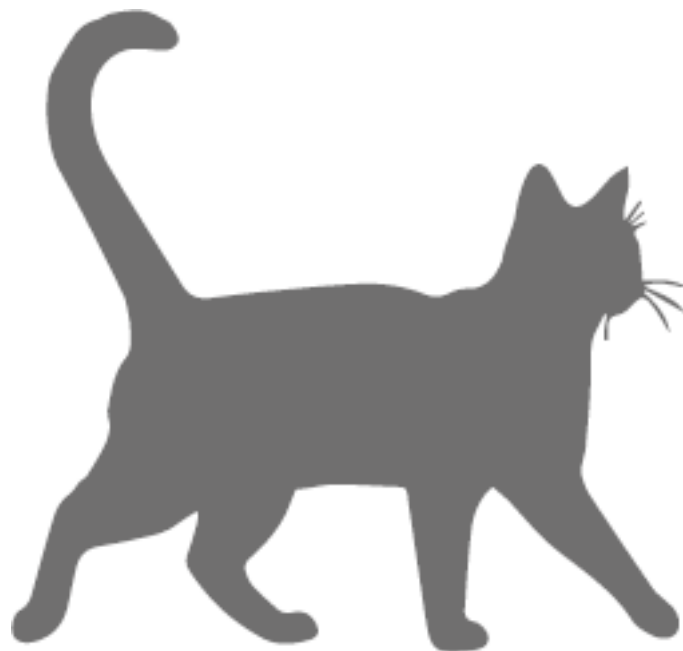
УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-34406-8

© Ю С., 2026
© Азбука, 2026

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Стейси Ю
Кошки не ходят на работу

*я просила любовь своей жизни
обращаться со мной нежно
но у него не особо-то вышло
Дженни Чжан. Стать личностью оказалось просто*

Stacey Yu
KITTEEN

Copyright © Stacey Yu, 2026

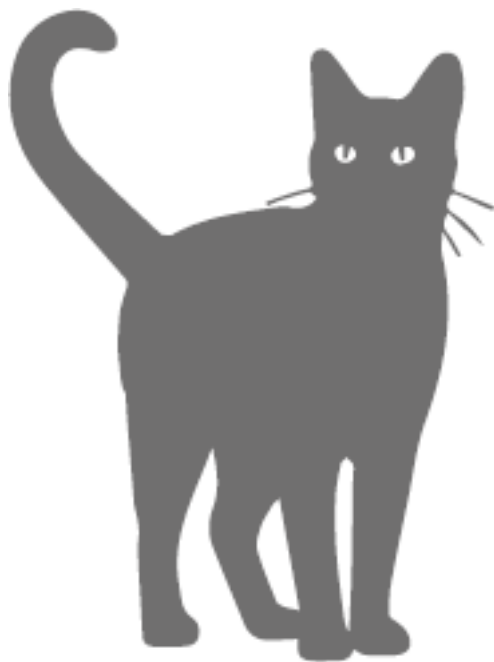
Издательство выражает благодарность литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency* за содействие в приобретении прав

© С. В. Тишина, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

Часть I

Глава 1

Когда Джеймс знакомил нас с Силвер, он бережно вложил ее мне в руки, словно я ее уже давно люблю. Но я тут же ее уронила.

– Ничего страшного, – сказал Джеймс, который мне все прощал. – Ничего.

Силвер приземлилась на все четыре лапы, как приземляются кошки, даже если падают с высоких зданий. Мне это показалось восхитительным.

– Родители уехали в Испанию, – пояснил Джеймс. – Она поживет у нас до первого октября, хорошо?

Октябрь наступал через две недели, значит, год скоро закончится. Каждый раз, когда я думала об этом, меня накрывало волной беспокойства, и приходилось сжимать кулаки, чтобы сосредоточиться. Позже мы собирались сходить в ресторан, чтобы отметить мой день рождения, но я не могла избавиться от ощущения, что угодила в ловушку. Мне исполнилось двадцать два года, и я только теперь начала понимать, что ждет меня впереди.

Для празднования Джеймс выбрал грузинский ресторан, знаменитый своими хачапури, о которых я раньше даже не слышала. Мой настоящий день рождения Джеймс пропустил, потому что работал допоздна. Я не расстроилась, хотя моя соседка по комнате Лу увидела в этом тревожные признаки одержимости.

– Это я одержимая в наших отношениях, – сказала я Лу.

– Напрасно люди считают, что в паре может быть только один одержимый, – насмешливо возразила она.

Впервые мы с ней отмечали день рождения на трезвую голову, и Лу купила мне дюжину украшенных глазурью кексиков. Ее мучило похмелье после вчерашней вечеринки в честь открытия галереи, и она смогла впихнуть в себя только две штучки, остальные я прихватила с собой, чтобы съесть с Джеймсом после ужина. Увидев кексы, он так обрадовался, словно они доказывали, что в мире есть доброта.

– Ты говоришь, что соседка тебя ненавидит, но посмотри-ка! Она же тебя обожает.

Джеймс не понимал, почему я считаю, будто люди меня недолюбливают. Но я знала, что права, хотя, в отличие от Джеймса, мне было наплевать. Незнакомые люди всегда меня пугали, я и сейчас не люблю смотреть в глаза даже друзьям. А вот Джеймс всем нравился: у него такое милое, открытое лицо, что люди не могут ему ни в чем отказать. Непонятно, знал он о своей власти или нет, – иногда мне казалось, что Джеймс так и остался взрослым ребенком.

Силвер метнулась к ногам Джеймса. Он протянул ей указательный палец, и она встала на задние лапы и уткнулась в палец носом. Оба они замерли на несколько секунд, пока Силвер не оторвалась от пальца и снова не опустилась на все четыре лапы. Надо же, просто невероятно!

– Ее нужно снимать в рекламе или еще где, – сказала я.

Джеймс засмеялся.

– С чужими она не станет такое вытворять.

Я помахала пальцем, чтобы привлечь внимание Силвер. Она проказливо покосилась на меня, чуть ли не подмигнула. По сравнению с Джеймсом она выглядела совсем крошечной, этакая мелкая серебристая клякса. Я снова помахала пальцем, но она не сдвинулась с места. Трудно не воспринять такой игнор на свой счет.

– Пора идти, иначе опоздаем.

Джеймс вечно боялся опоздать, и рядом с ним эта тревожность передавалась и мне, словно я примеряла его одежду. Но если тревога в конце концов оправдывалась, оказывалось, что мне в общем-то все равно. Вот такое у меня незрелое сознание.

Коридор в квартире Джеймса был такой узкий, что мы задевали друг друга плечами. Силвер шла за нами, подняв хвост. Я поймала косой взгляд ее лукавых глаз, и во мне вдруг что-то шевельнулось, может быть та часть, что отвечает за эволюцию, не знаю... Мне вдруг ужасно захотелось подхватить ее на руки и запихнуть себе в рот, но не для того, чтобы съесть, нет, а чтобы уберечь от этого мира. Вот какой первозданной властью над нами обладают большие глаза и расширенные зрачки! Если бы маленькие дети и домашние питомцы не были такими милыми, кому бы захотелось их заводить?

– Не уверен, что ты права, – покачал головой Джеймс, когда я высказала свою гипотезу. – Думаю, в людях заложен природный инстинкт заботиться о братьях наших меньших.

– Допустим, – согласилась я, – но только потому, что они милые.

Небо было темным, что так редко случается на Манхэттене и так часто в моем районе. Джеймс снова поторопил меня, и я прибавила ходу, мы спустились в метро и забежали в вагон, когда двери уже закрывались.

«Вокруг сколько интересных занятий, но... у тебя похмелье!» – гласил плакат, рекламирующий безалкогольные коктейли. Мне слоган показался довольно злобным.

– Иногда людям просто необходимо напиться, – пробормотала я.

Джеймс искренне рассмеялся.

– Вообще-то это наша реклама, – сказал он. – Но не волнуйся, слоган писал не я.

Мне было жарко в тесном бархатном платье, я то и дело оттягивала горловину, при этом чувствуя себя неловко: вдруг со стороны покажется, будто я пытаюсь привлечь внимание. Мужчины нечасто на меня смотрят, но если все-таки смотрят, то с невероятной серьезностью, словно не в силах отвести глаза. Видимо, я отличаюсь от привычных им картинок: подолгу зависаю взглядом на одном предмете, молчу во время разговора, – из-за этого одни считают меня загадочной, а другие невоспитанной. Интересно, какой я стала бы, если бы мое лицо вообще ничего не выражало? Иногда я даже представляла, что у окружающих тоже ничего нет на лице, только кожа, как холст, натянута от лба до подбородка и несколько ровных дырочек, чтобы дышать и есть. Наверное, я бы лучше убила себя, чем жить в таком мире.

Джеймс очень внимательно относится к внешности. После того, как мы переспали, он сказал, что у меня над правым ухом три веснушки. Кроме мамы, он единственный человек, который знает об их существовании. Какой кайф, когда человек смотрит на тебя вот так, по-

особенному, видит по-другому, чем все остальные. Целуя Джеймса, я словно умираю и перерождалась в игрушечного ангела, который создан только для того, чтобы его любили.

Мы приехали на пятнадцать минут позже назначенного времени. Я думала, Джеймс будет нервничать, но он лишь пошутил:

– Впервые последовал моде опаздывать.

– Еще пять минут опоздания – и остались бы без столика, – проворчал администратор.

Я пришла в ужас, но Джеймс только рассмеялся и заявил:

– Все вопросы к транспортному управлению.

Когда поездка требовала больше одной пересадки на общественном транспорте, Джеймс вызывал такси. Трудно было сказать, пользуется ли он такси потому, что любит приезжать вовремя, или просто потому, что богат.

Администратор проводил нас к столику, рядом сидела семья с плачущим младенцем. Багровый морщинистый ребенок выглядел ужасно.

– Расти большая, – пожелал Джеймс, едва взглянув на малышку. Поразительно, как он смог угадать пол, когда не сразу и определишь, что это существо – вообще человек. Я кивнула, показывая Джеймсу, что тоже благословляю младенца, хотя на самом деле тот меня абсолютно не заботил.

Джеймс долго обсуждал с официантом меню и винную карту, после чего наконец выбрал четыре блюда и бутылку саперави, грузинского красного вина. В ходе общения официант явно почувствовал в моем спутнике родственную душу и отправился выполнять заказ с широкой улыбкой на лице. К счастью, на меня официант даже не посмотрел. Мне безразлично, какие продукты пихать в свое тело, поэтому я люблю, когда за меня это решают другие.

Вино оказалось темно-красным, почти черным.

– Знаешь, чем уникален виноград сорта «саперави»? – спросил Джеймс.

– Расскажи.

– У него красная не только кожура, но и мякоть.

Еще Джеймс сказал, что с грузинского название переводится как «обагрить». Мне понравилось: как наглядно! Так и представилось, как кто-то обагрил ягоды кровью, защищая свои виноградники.

– Поэтому некоторые виноделы добавляют этот сорт в купаж, чтобы придать вину более насыщенный колер.

Тут до меня дошло, что речь шла только о цвете, а не о крови, и я почувствовала себя обманутой.

Джеймс поднял бокал, сияя от счастья, будто уже опьянел. Я смотрела на его улыбающееся лицо в янтарном отблеске светодиодных свечей, и мне вспомнились масляные светильники, с которыми ходили медведи в мультике, где все жили в уютных коттеджах. Тут я сообразила, что уже давно молчу, и Джеймсу, похоже, пришла в голову та же мысль.

– Двадцать два, – объявил он. – Прекрасный возраст.

– Спасибо, – поблагодарила я, отпивая вина.

– Как себя ощущаешь?

– Нормально, – ответила я. – Хотя двадцать два – не так сексуально, как двадцать один или двадцать шесть.

– Двадцать шесть не сексуально. Никто не мечтает стать двадцатилетним. – Двадцать шесть было Джеймсу. Я всмотрелась в его лицо, стараясь разглядеть признаки возраста. Когда мы познакомились, он показался мне ровесником. Узнав, что Джеймс старше, я испытала и шок, и облегчение: с одной стороны, теперь понятно, почему его жизнь благополучнее моей, с другой – я была рада, что могу нравиться человеку из взрослого мира. Позже Джеймс признался, что тоже считал нас одноклассниками, и я изо всех сил постаралась не подать виду, что расстроилась.

– Мне стоит подготовиться? – спросила я.

– Нет, я шучу. Двадцать шесть – хороший возраст. Но двадцать два лучше.

В двадцать два моя мать родила меня – этот возраст предвещал ужасные перемены в жизни. Меня невольно передернуло. Допив вино, я почувствовала, как по желудку разливается жар, и представила, что живот надувается, как воздушный шарик: если стукнуть по нему, сразу лопнет.

Принесли хачапури – хлебную лодку с начинкой из сыра с яйцом в центре. Сырой дрожащий желток напоминал глаз, который пристально глядел на меня. Я вообразила, как из зрачка выплывается цыпленок, как он борется с вязкой массой, чтобы сделать первый вдох.

– Ох, как вкусно! – Джеймс и в самом деле был в восторге от блюда. Теперь поникший желток беспомощно сочился из сделанного надреза. Джеймс ловко переложил кусок мне на тарелку.

Я заставила себя попробовать. Хлеб был мягкий, а сыр пряный. Я видела, что Джеймс за мной наблюдает: я ела то, что ему нравится. Глаза у него были широко распахнуты, и я поняла, что он сильно взволнован.

– Да, очень вкусно. – Я снова откусила. Было действительно вкусно.

– В общем, мне нужно тебе что-то сказать, – начал Джеймс. – Сюрприз ко дню рождения.

– Это не про Силвер?

– Нет, я же знаю, что ты не кошатница.

С чего он решил, что я не кошатница? Возможно, я говорила ему об этом прежде, но теперь с удовольствием взяла бы свои слова обратно. Я вспомнила, как Силвер тычется в палец Джеймса розовым, как кукольные туфельки, носом. Но я же раньше не знала, что кошки так умеют.

– Помнишь, я рассказывал, что у родителей есть дом? В Хольме, рядом с океаном. Лето заканчивается, и коттедж наконец освободился. Всего на две недели. Я взял небольшой отпуск и решил отвезти тебя туда, если захочешь. Можем отправиться в воскресенье.

– Правда? – Я ни разу не видела океана. Интересно, какой он? А еще Джеймс говорил, что для него там и есть настоящий дом. Когда мама Джеймса заболела, семья переехала в город, поближе к хорошим больницам, но сейчас родители вернулись в пригород.

– У меня накопились дни отпуска, и я подумал, что сейчас самое время. Твой день рождения. Наши полгода вместе.

Две недели вдвоем с Джеймсом, вдалеке от города и от Лу с ее пассивно-агрессивными замечаниями о том, чья очередь выбрасывать мусор. Мысль о совместных каникулах уже начала застывать в голове, как желе в формочке.

– Значит, у нас все серьезно?

Он улыбнулся.

– Раньше я никого туда не возил.

Внезапно мои двадцать два показались мне волшебными, и я настроилась весь оставшийся вечер запоминать детали, чтобы потом перебирать их в памяти, когда будет одиноко или скучно. Масляный блеск на губах Джеймса, плывущая над нашими головами мелодраматическая музыка. Огорчало только одно: скоро вечер закончится, Джеймс уснет, а я буду лежать рядом, уставившись в идеально гладкий потолок, и некому будет пересказать эти волшебные моменты. Я взглянула на телефон. Мама так и не позвонила.

Потом Джеймс заказал еще одну бутылку вина, хотя мы уже были навеселе. Щеки у него покраснелись, он то и дело взрывался смехом. Официант проникся к нам – или, скорее, к моему спутнику – симпатией и приносил закуски, которые мы не заказывали: ореховые печеньки, виноградные листья с мясной начинкой. А потом, когда в ресторане почти не осталось посетителей, официант подсел за наш столик и стал выпивать с нами. Возможно, Джеймс сам его пригласил, но я не заметила. Они болтали о Тбилиси и о том, что там сейчас происхо-

дит. Я же, пока никто не видел, окунала палец в вино и рисовала на белой скатерти улыбающиеся рожицы сливового цвета. И думала: все-таки мы совершенно особенные.

Втроем мы с легкостью опустошили вторую бутылку, хотя большую часть своего вина я незаметно вылила в тарелку. Но после того как принесли счет и нас вновь осыпали неожиданными угощениями, я почувствовала, что ужасно пьяна. Улыбающиеся рожицы расплзались по скатерти, поедая друг друга. Я дала себе пару минут, а потом снова попросила Джеймса не умирать раньше меня. Иногда мне трудно отличить нормальную мысль от странной.

Но Джеймс каждый раз говорил: да, обещаю. В своей обычной манере – без колебаний, глядя прямо в глаза. И я каждый раз ему верила.

Мы вернулись в квартиру и увидели на полу лужицу рвоты. Впервые Джеймс не повесил пальто аккуратно на крючок рядом с дверью, а уронил на пол.

– Силвер! – вскрикнул он и бросился внутрь квартиры.

В знак сочувствия я тоже уронила пальто, но осторожно, чтобы не попасть в лужицу.

Джеймс исчез в спальне. Я пошла в ванную.

– Силвер! – тоже позвала я, хотя у меня призыв получился не таким искренним. Рядом с унитазом красовалась еще одна лужица. Я наклонилась, чтобы ее изучить. Раньше я никогда не видела рвоту животных: бледно-розовая жижа с кусочками чего-то белого.

– Нашел. – Джеймс вышел с Силвер на руках. Она так печально и безвольно повесила голову, что мне сразу стало ясно: что-то натворила и теперь притворяется больной. – Бедняжка! Пряталась под кроватью. Она всегда так делает, когда болеет. – Он поцеловал Силвер между ушами. – Скорее всего, просто съела какую-то гадость. Да, моя крошка? – прошепелявил он низким голосом: – Ты съела то, чего тебе нельзя? Признавайся.

Со мной Джеймс никогда так не разговаривал, даже в первую встречу, когда меня вырвало прямо ему на колени. Я пошла на кухню вымыть руки; здесь выложенный плиткой пол тоже был испачкан рвотой. Изначальное сочувствие к Силвер понемногу испарялось. Зачем же загаживать всю квартиру – это уже похоже на вполне осознанный поступок.

– О боже! – раздался возглас Джеймса позади меня. Я обернулась посмотреть, куда направлен его взгляд. На стеклянном столике валялась моя коробка с кексами от Лу, полностью уничтоженная. Неужели она сожрала все кексы? Среди обгрызенной бумаги виднелось лишь несколько завитков розовой и фиолетовой глазури. Увидев коробку, Силвер выскочила из рук Джеймса и, высоко задрав хвост, исчезла в спальне.

– Да ладно. Все нормально, – отмахнулась я.

– Прости, – вздохнул Джеймс. – Я уже давно не жил с нашей кошкой и забыл, что она тащит в рот все подряд.

– Ничего страшного. Я все равно не собиралась их есть.

– Ложись, – сказал Джеймс. – Я уберу.

Ночью, когда Джеймс и Силвер уже спали, я пошла на кухню и открыла мусорную корзину. Содержимое было аккуратно сложено, и спрессованная коробка из-под кексов лежала сверху. На бумажной крышке темнели жирные пятна. Я собрала пальцем крошки глазури и отправила в рот. Было вкусно, и я с удивлением поняла, что мне грустно оттого, что день рождения закончился, что я уже год не разговаривала с мамой и что мне и вправду исполнилось двадцать два.

Глава 2

Я познакомилась с Джеймсом полгода назад в марте, на исходе долгой ненастной зимы, когда город, казалось, отсырел от тающего снега. Приближались выпускные экзамены, и Лу только что стукнуло двадцать два. Мы с ней пошли в бар отметить ее день рождения, и очень скоро Лу ускользнула в ночь с очередным кавалером гораздо глупее себя, а мне тоже очень захотелось мужского внимания. Такое желание просыпается у меня всякий раз, как я выпью. Знаю, выглядит жалко и патетично, но мне было все равно. Желание только росло, а больше всего я хотела, чтобы меня кто-нибудь поцеловал.

Чужая рука столкнула со стола на пол мой стакан, и он разлетелся на мелкие кусочки. Я наклонилась, чтобы собрать осколки, а Джеймс ринулся ко мне на помощь из другого конца бара. К тому времени, как явились официанты с совками и швабрами, пол уже был безукоризненно чист, а в руках у Джеймса ничего не оказалось. Я спросила, куда он дел стекло, а он вдруг улыбнулся мне, как старой знакомой. Позже я поняла, что Джеймс именно так смотрел на весь мир: словно тот уже принадлежит ему.

Он потряс пакетиком из-под «Читос» и сказал:

– Та-дам! – И не успел увернуться, как меня стошнило прямо ему на рубашку. Одно из лучших моих выступлений.

Джеймс довез меня на такси до дома, а затем еще час придерживал мне волосы, пока меня рвало в унитаз. В какой-то момент вернулась Лу: я слышала, как она подходила к ванной, топталась у самой двери, а потом удалялась. В конце концов Джеймс запихнул меня в душ прямо в одежде и стал мыть мне голову.

– Не тот, – пробормотала я в панике: он намыливал меня дорогущим шампунем Лу. – Это не мой.

– Какая разница, – отмахнулся он. – Подумаешь, шампунь.

Однако разница была, особенно при такой цене, как у шампуня соседки. Но пахло хорошо, и Джеймс так ожесточенно массировал мне скальп, словно хотел вымыть из головы весь алкоголь. Позже мы валялись на моей кровати, задрав ноги на изголовье. Я никогда не лежала в таком ненормальном положении и чувствовала себя как в кино.

Джеймс восхищался картинами, висящими над изголовьем, мамиными картинами. Он спросил, рисую ли я тоже. Я ответила «да», и совершенно зря, потому что он тут же вознамерился посмотреть мои «работы». Я уже несколько лет серьезно не рисовала, и даже краски с кисточками остались дома. У меня нашлись только снимки давнишних картин: акварель с повернутыми друг к другу стульями и набросок одиноко стоящего дерева.

– Мне нравится, – заявил Джеймс. – У тебя дар очеловечивать неживые предметы. Ты хотела показать, как стулья общаются?

Я посмотрела на фото и увидела лишь предметы мебели, о чем и сообщила Джеймсу, но сразу почувствовала обиду за стулья, за то, что отказала им в человечности.

– Моей маме нравится такое искусство, – сообщил он. – Актуальный натюрморт.

Я сомневалась, что такой жанр существует, но поняла, что он имел в виду. Оказалось, когда Джеймс был ребенком, его мать постоянно болела. И хотя сейчас ей стало лучше, он не знал, надолго ли. Моя мама никогда не лежала в больнице, разве что совсем перестала есть, когда я была подростком.

– У нас разные ступни, – доложила я Джеймсу, потому что маме не нравилось, когда я рассказываю о ней другим, а наши ступни первыми попались мне на глаза.

– Объясни.

– У тебя второй палец короче большого.

Джеймс издал низкий и громкий смешок, словно упала книга. Я испугалась, что соседка проснется, но он придвинул свою ногу к моей, наши пальцы соприкоснулись, и я тут же забыла о Лу.

Мы уснули около пяти утра, уже светало. Когда я проснулась, Джеймс похрапывал рядом, и было далеко за полдень. Мои волосы, все еще влажные, пахли волшебю. Я чувствовала себя ужасно живой и беспомощной одновременно, словно только что вылупившийся птенец. Через неделю мы впервые переспали. А еще через неделю он предложил мне стать его девушкой.

* * *

На выходных, прежде чем отправиться в Хольм, Джеймсу предстояло закончить кучу дел. Начальник ему не приказывал, он сам вызвался. Обычно меня радовала способность Джеймса впечатлять людей: мне нравилось наблюдать, как светлеют их лица, как падает защитная броня, когда он безо всяких просьб делает или говорит что-нибудь приятное. Но сейчас я забеспокоилась: он заявил, что уже перешел в отпускной режим, и даже показал пальцами кавычки.

Когда мы только начали встречаться, Джеймс вкалывал как одержимый, и у меня даже мысли не возникло, что он богат. По-моему, какой смысл зарабатывать деньги, если ты уже с ними родился. Но Джеймс полностью отдавался работе копирайтера в рекламном агентстве, которое, если судить по обещаниям на их сайте, превращало потребительские тренды в отношения по любви. Бывало, Джеймс проводил в офисе чуть ли не по полсутки, но никогда не жаловался. Сама я работала начиная с пятнадцати лет, но никогда столько часов подряд.

До окончания учебы я даже не подозревала, что одиннадцать часов так долго тянутся. Без лекций в универе, домашних заданий и вечеринок с Лу безразмерность рабочего дня Джеймса наваливалась на меня медленно, но настойчиво, как летний грипп. Я еще подрабатывала в университете, но чаще валялась в постели до полудня, просматривая видеоролики о странных привычках или пытаюсь разобраться в зашифрованных сообщениях от Лу: то ли ее все больше раздражала работа – моя соседка терпеть не могла «тупых лос-анджелесских сучек», – то ли, что более вероятно, она уже жалела, что предложила мне поселиться в одной квартире. Когда мне наконец удавалось убедить себя, что сегодня мы с Джеймсом не увидимся, он внезапно писал, что у него выдался свободный вечер, и приглашал в гости.

Большую часть субботнего утра Джеймс проводил в одной и той же позе, сидя за ноутбуком и оттачивая текст электронных писем клиентам.

– Том говорит, что из-за лишней вежливости я кажусь младше, чем есть на самом деле, – признавался он.

Его стол размещался рядом с большим окном, и в полдень, когда солнце светило в полную силу, тело Джеймса слегка искрилось, словно он вот-вот вознесется. Видимо, в такие моменты он больше всего нравился Силвер. Она хватала его лапой за ногу и призывно мяукала, выпрашивая знаки внимания, которые иногда и получала. Но все-таки чаще Джеймс с серьезным видом продолжал смотреть в компьютер.

– Иди ко мне. – Я пошевелила ногой. – Силвер, иди ко мне.

Она оглянулась на меня, но не двинулась с места.

– Мяу, – мяукнула я.

Силвер отвернулась, словно я ее оскорбила.

Джеймс потянулся, и от его движения по стене пробежала тень. Силвер подпрыгнула, пытаясь ее поймать, и тело у нее вытянулось раза в два. Но Джеймс вернулся к работе, и тень исчезла. Силвер озадаченно склонила голову набок. Вот глупышка, подумала я, и правда ничего не понимает. Я подняла руку, и Силвер, увидев новую тень, вильнула задом. Я пошевелила рукой, и кошка, к моей радости, внезапно прыгнула. Тогда я подняла левую руку над правой, чтобы получилась морда собаки, и залаяла:

– Гав! Гав!

Силвер погналась за воображаемой собакой. Я пробежалась тенью до конца стены и перескочила на следующую. Кошка застыла, глядя на первую стену и не решаясь повернуть голову. Она сидела совершенно неподвижно, уставившись в пустоту и дергая хвостом. Мне стало совестно: видимо, мой маневр выходил за базовые границы ее сознания. Может, это тоже считается жестоким обращением с животными?

Когда я вернула тень-собаку на прежнюю стену, Силвер снова завиляла задом. Я терпеливо ждала, пока она приготовится атаковать, и наконец она ринулась через всю комнату, с грохотом приземлилась на стол Джеймса и, напуганная произведенным ею же шумом, улетела на кухню.

– Ого! – Джеймс вскочил.

Я разразилась хохотом. Он улыбнулся, хотя ему явно было не смешно.

– Она разлила мой кофе.

– Я просто пыталась понравиться Силвер.

– Ничего сложного. Достаточно ее покормить.

Могло сработать, однако Силвер даже не понюхала предложенную мной еду, хотя та однозначно была роскошной. Банка из-под корма выглядела так нарядно, что я уже подумывала достать ее из мусора и приспособить для хранения украшений или ключей. Не верилось, что такую красоту делают для кошек, у которых, насколько я понимаю, даже нет художественного вкуса.

– А как тебе это? – Я выплеснула из миски воду и налила туда молока из холодильника. – Ты ведь любишь молоко?

– Кажется, у многих кошек непереносимость лактозы, – предупредил Джеймс.

– А ты хоть раз давал ей молоко? – Я поставила миску на пол. Силвер понюхала и начала лизать, сначала аккуратно, а потом все более жадно. Когда миска опустела, кошка посмотрела на меня и срыгнула; на усах у нее дрожали молочные капли-жемчужинки.

– Впечатляет, – улыбнулся Джеймс. – Думаю, ты завоевала ее любовь.

Я сжала губы, пряча улыбку.

– Эй! – Я протянула палец в сторону Силвер и помахала им. – Покажи трюк.

Но Силвер отвернулась, а вот когда Джеймс протянул палец, подошла и ткнулась в него носом.

– Так нечестно, – обиделась я.

– Она знает меня всю жизнь, – успокоил он. – Не принимай на свой счет.

– Думаешь, Силвер чувствует, что я раньше никогда не общалась с кошками?

– Подожди, как это? – Джеймс выглядел удивленным. – Разве так бывает?

– Не знаю, а что тут особенного? Пока я росла, у нас в доме не было животных. К тому же тогда считалось модным иметь собаку. – Поскольку Джеймс промолчал, я стала объяснять: – В смысле, собак-то я встречала: на них постоянно натыкаешься на улице. А вот кошки предпочитают сидеть дома. Очень сложно случайно наткнуться на кошку. Для этого нужно ходить к людям в гости.

Тут я забеспокоилась, что наговорила лишнего.

– С ума сойти! – наконец выдохнул Джеймс. – Ты никогда не гладила кошку.

Мы еще поговорили о том, где есть вероятность встретить и / или погладить кошку. В какой-то момент я уже стала сомневаться, что ни разу не общалась с кошками, но в памяти не всплывало никаких подобных картин.

– Мама говорит, что животные требуют слишком многого, но ничего тебе не дают в обмен на твою любовь.

Силвер повернула голову. Джеймс, которому до этого момента нравился наш разговор, посмотрел на меня сочувственно.

– Сурово. Кроме того, не вижу ничего плохого в том, чтобы кто-то нуждался в тебе.

Затем он выставил палец, и Силвер снова переключилась на него: подошла танцующей походкой и поднялась на задние лапки, как цирковая пони в ожидании аплодисментов.

* * *

Несмотря на убежденность в бесполезности домашних питомцев, иногда мама смягчалась. Когда мне было шесть, она разрешила оставить ящерицу, которую я нашла в цветочном горшке. Потом ящерица умерла, и мама воскликнула:

– А я тебя предупреждала!

Но она переоценила мою привязанность к питомцу. Ящерица мне нужна была только потому, что мама, по ее словам, в детстве тоже прятала ящериц на кухне и кормила их сухими водорослями, пока Билл, ее отец, не видел.

Я очень дорожила историями из маминого детства. Она редко говорила о прошлом, поэтому я старалась тщательно запомнить каждую деталь. Иногда казалось, что мамино детство я знаю лучше своего. Пока я росла, мама была практически единственным человеком, с которым я разговаривала. Другие люди мне не нравились.

Вечером моего восьмого дня рождения я нарушила традицию и пошла спать в свою кровать, отчего мама очень расстроилась. На следующий день она предложила мне взять собаку. Я не очень-то хотела, но в итоге мама и меня заразила своим радостным предвкушением. В приюте мне понравился лабрадор, а мама выбрала пугливого заморыша размером едва ли не меньше моего лица. Она взяла коротышку на руки, и песик уткнулся ей в сгиб локтя, словно обрел родную душу. Мама спросила, хочу ли я его взять. Если хочу, мы заберем его домой, если нет – не станем брать никого, даже лабрадора. Я посмотрела в умоляющие глаза заморыша, и внутри у меня закипела злость. В итоге я сказала «нет». Песик отчаянно скулил, когда его вернули в клетку, и я жалела его, но чувствовала огромное облегчение оттого, что обратно мы поедем только вдвоем с мамой, как и должно быть.

* * *

В субботу вечером, закончив работать, Джеймс собрался на пробежку. Мне нравилось, как он завязывает шнурки на кроссовках: они торчали, точно кроличьи ушки. Пальцы туго натягивали петли, каждый раз задерживаясь на секунду, чтобы узел был крепче, и получались два настороженных кролика.

Лу написала мне уже в третий раз за два дня, спрашивала про деньги. Я была должна ей около сотни долларов за квартиру за предыдущие два месяца, но зарплату задержали, а мои сбережения дошли до той суммы, когда, сними я хоть что-нибудь, банк начал бы брать с меня по пять долларов ежемесячно, пока не пополню счет.

«Давай попозже? Мне обещали заплатить завтра», – написала я соседке.

Я неполный день работала у нас в университете на юридическом факультете: начала совмещать учебу и работу, как только поступила на первый курс, и продержалась до самого выпуска. Работа была удаленной, вполне достойно оплачиваемой для студента и не предполагала мозговых усилий. По большей части я размещала документы на сайте, бегло просматривая их, чтобы понять, к какому разделу они относятся. В мае, когда учеба закончилась, университет согласился продлить контракт со мной на лето: обычно так не делали, но деканат был загружен, а мои услуги обходились недорого. Мне хотелось бы побольше денег, но я даже представить не могла, что буду искать серьезную, взрослую работу. А пока до начала нового учебного года мне был обеспечен маленький, зато стабильный доход. Однако сейчас занятия

в университете уже шли полным ходом и меня собирались заменить очередной студенткой, но последнюю зарплату никак не переводили.

Лу долго набирала сообщение, но пришло лишь одно слово: «уфф».

Я только отложила телефон, как он снова засветился. Пришло новое сообщение от соседки.

Лу: Только без обид. Но я знаю, что твоя работа в универе скоро закончится. уже решила, куда двинешь дальше?

Я снова отложила телефон. Всякий раз, сталкиваясь с неизбежной перспективой поиска новой работы, мозг принимался зудеть, словно в него впивались сотни тоненьких иголочек. Если зуд продолжался достаточно долго, в глазах тоже начинало щипать, и я могла удариться в слезы, хотя мне не было особенно грустно. Тогда пальцы сами тянулись к шевелюре и заплетали косу: что-что, а это у меня получилось мастерски. Я так часто заплетала волосы, что иногда они выпадали клоками. Впрочем, клочки были маленькие, да и волосы у меня быстро отрастали.

Лу: помощь нужна? рекомендации?

Я: Нет.

Не знаю, почему так быстро отказалась. Похоже, помощь мне не помешала бы.

Лу: но почему? Кэти, все так делают, и норм. или считаешь себя выше этого?

Коса расплелась, и волосы рассыпались. Я правда считаю себя выше этого? Нет, как раз наоборот: любая работа, которой занималась Лу или мои одноклассники, – финансы, искусство, управленческий консалтинг – казалась выше меня, даже учеба в университете, что я поняла еще в первый семестр. Вдобавок мне уже довелось познакомиться с «нужными людьми» из круга Лу: двадцатилетками, которые собирались стать сенаторами, детьми членов правления с квартирами в центре города. Обычно они не обращали на меня внимания. Если бы на первом курсе нас не поселили вместе с Лу, скорее всего, мы с ней никогда не стали бы друзьями. Впрочем, даже спустя четыре года совместного проживания определение «друг» выглядело слишком самонадеянно с моей стороны, ведь я не выполняла даже элементарных соседских обязанностей. Уж не знаю, как нас все-таки следовало называть. Лу выковыривала мои волосы из слива, а я знала, какой формы обрезки с ногтей у нее на ногах, но мы особо не рассказывали друг другу про жизнь, если только сильно не напивались.

– Погоди, Кэти, – в этот раз Лу прислала голосовое сообщение, – повиси, сейчас я зайду домой. – В течение тридцати секунд я слушала ее дыхание, потом дверь закрылась, и стало тихо. – Прости. Я только вернулась с работы. – Было четыре часа дня. Лу работала помощницей в картинной галерее дяди. – Мне кажется, ты подавлена. И это еще полбеды, но после окончания университета ты только и делаешь, что зависишь с Джеймсом, а это уже ненормально и к тому же ужасно скучно. Кому какое дело, достойна ты конкретной работы или нет? Всем плевать. Ты ведь не думаешь, что моя должность сама меня нашла, потому что я ее достойна? Я просто утонула задницей на этом месте, вот и всё.

Пальцы дернулись, чтобы ответить, но я не знала, что сказать. Лу умела талантливо донести свои мысли, и я часто ловила себя на том, что полагаюсь на ее мнение. По ее словам, я страдала «поверхностными эмоциональными реакциями». Лу каждую неделю ходила к психологу и отлично владела их терминологией.

Следующее голосовое:

– В любом случае у тебя время до завтра. Анна уже меня донимает. Кстати, куда ты пропала?

Анна, двоюродная сестра Лу, владела квартирой в Верхнем Вест-Сайде, которую сдавала нам по дешевке, пока сама оканчивала магистратуру в Лондоне. Если ей по карману магистратура, стоит ли убиваться ради сотни долларов?

Я написала, что, скорее всего, ближайшие две недели проведу с Джеймсом. Лу просмотрела сообщение, но ничего не ответила. Наверняка разозлилась.

Хоть я и была довольно застенчивой, но никогда столько не сомневалась в себе, как после знакомства с Лу. Она въехала в квартиру за день до меня, и пространство уже было помечено ее духами (амбра и сандал) и ее вещами – четырьмя чемоданами шмоток. Она заняла кровать у окна и украсила стену огромным рисунком в разнообразных оттенках оранжевого. Когда я спросила, ее ли это работа, Лу оторопела. Оказалось, это Ротко¹. Естественно, я понятия не имела о нем, но соседка не соизволила объяснить, отчего мне стало ясно, что я просто обязана знать подобные вещи.

Так я усвоила самую важную информацию – гораздо важнее того, кто такой Ротко. Главный урок, вынесенный мной из университета, и Лу преподала его мне в самом начале. Следующие три недели мы почти не разговаривали, пока она не предложила мне выпить персиковой водки и мы не выяснили, что пьянеем одинаково: серьезно и без слез.

Силвер прыгнула мне на колени и сбросила телефон. Я почувствовала, как внутри разливается тепло.

– Тебе хочется внимания?

Она ткнулась мордочкой в мои большие пальцы, и я ощутила что-то твердое и влажное – маленький зуб.

– Какая же ты милашка, – пробормотала я, глядя в ее темно-оранжевые глаза.

В приглушенном свете, льющемся из спальни Джеймса, зрачки у кошки расширились и превратились в порталы, поглотившие окружающий цвет.

– Я тебя прощаю, – сказала я. – За то, что съела мои кексы.

При этих словах Силвер перевернулась на спину, показывая светло-серый мех на животе. В отличие от остальной идеально гладкой шерстки, здесь волоски пушились и выглядели неаккуратно. Я потянулась, чтобы дотронуться, но кошка вздрогнула.

– Чего ты боишься? – спросила я. – Ты же меня любишь, забыла? Я познакомила тебя с молоком.

Она повернула голову на звук открывшейся двери.

– С кем ты разговариваешь? – В проеме появилось лицо Джеймса, волосы у него намokли от дождя. – Ты болтала с Силвер?

– Типа того, – ответила я. – Мы вроде установили связь, но Силвер капризничает.

– Ты ей нравишься. Просто она непостоянная, как все кошки.

– А почему ты решил завести такого непостоянного питомца? Разве смысл не в том, чтобы животные всегда тебя любили?

– Как сказать. – Джеймс наклонился и промокнул темные волосы подолом футболки. На пододеяльник полетели брызги. Силвер осторожно запрыгала возле кровати, словно танцевала под струями поливальной машины. – Здорово же за кем-то присматривать. Думаю, люди испытывают похожее чувство, когда появляется ребенок. – Он заметил, что я растерялась. – Или заводят отношения...

– Ты видишь во мне питомца?

– Речь совсем не об этом.

Я ничего не сказала, но слова Джеймса по-настоящему меня взволновали. Я вертела их в голове, рассматривая под разными углами и пытаюсь найти точное и приемлемое значение.

¹ Марк Ротко (1903–1970) – американский художник-абстракционист. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Забота обо мне – не обязанность, а удовольствие. Я существо, за которым ему нравится приглядывать.

– Я хотел сказать, – продолжил Джеймс, – что в отношениях думаешь не только о том, что получаешь от другого, но и о том, что сам ему даешь.

– Как великодушно.

Он пожал плечами.

– Уверен, у тебя такие же представления.

Но он ошибался. Мне нравилось встречаться с Джеймсом потому, что рядом с ним мне проще было ощущать себя живой. Рядом с ним я казалась себе настоящим человеком, законным представителем окружающего мира, а не сторонним наблюдателем. Наверное, были и другие причины, но почему-то ни одна не приходила на ум. Правда ли Джеймс так относится ко мне и всему тому, что любит? Или врет, притворяется, чтобы казаться лучше и взрослее, чем есть на самом деле?

Я сменила тему:

– Лу на меня злится.

Джеймс сел на кровать. Мне нравился его запах. Я положила голову ему на влажное плечо. Силвер устроилась между нами и ритмично постукивала кончиком хвоста, как человек ногой.

– Опять? – сказал Джеймс. – Какое преступление ты совершила на этот раз?

– Ничего такого ужасного, – смутилась я.

– Да я дразнюсь. – Он мягко толкнул меня в плечи, и я упала назад. Он наклонился и поцеловал меня в нос. – Ты не можешь сделать ничего ужасного.

У меня вспыхнули щеки. Силвер попыталась втиснуться между нашими лицами, и усы зашевелились мне нос. Я заметила, что у нее нет кончика уха.

– Как это случилось?

– О, наследие ее героического прошлого. – Джеймс почесал Силвер за ухом. – Ветеринары так отмечают бродячих кошек, которых стерилизовали, прежде чем снова отпустить на волю.

– Не знала, что она была бродячей.

– Да, я нашел ее у моря.

– В Хольме?

– Ну да. Мне было лет пятнадцать-шестнадцать. Она была очень маленькая и совершенно одинокая. – Голос у него стал мягче. – Выползла ко мне на полотенце прямо из океана. Глаза гноились, она вся замерзла, но не дрожала.

Я обдумала сказанное. Если Джеймс нашел ее еще подростком, то сейчас Силвер больше десяти лет: далеко не котенок. Это меня расстроило. Силвер не вела себя как взрослая. Она словно только-только открывала для себя мир, и все вокруг или пугало ее, или радовало. Например, молоко, которое она пила, пока не срыгнула. Торшер у большого окна, который стал ее личным театром теней. Джеймс, за которым она повсюду следовала как зачарованная, хотя это-то как раз понятно.

– Ты забрал ее с пляжа? А если там осталась ее семья?

– Нет, Силвер была одна.

– А вдруг она потерялась? Или хотела привести тебя к своему хозяину.

Джеймс рассмеялся.

– Нет, поверь мне, она была одна. Вот и пришлось ей помочь.

Я посмотрела на Силвер со смесью жалости и восхищения. Почему из всех людей на пляже она выбрала именно Джеймса? Или она подходила к другим, просто он единственный ее не оттолкнул? Не знаю, как сама поступила бы в таком случае.

– Я бы испугалась.

– На ее месте я бы тоже испугался, – кивнул Джеймс. – Но она вела себя на удивление спокойно. Направилась прямо ко мне. Ветеринар говорил, кошка не выживет, потому что очень больна, но она выжила.

Я нахмурилась. Силвер ритмично двигала головой в такт движению пальцев гладившего ее Джеймса и переводила взгляд полуприкрытых глаз с него на меня. Казалось, она хочет сказать что-то важное о своем появлении и о том, как мало мы оба о нем знаем. Но тут она зевнула, дыхнув изо рта молоком, и уснула.

Глава 3

В воскресенье зарядил дождь. Не было и восьми часов, а Джеймс уже заправлял кровать, в которой еще продолжала лежать я. Он велел мне вставать так отрывисто и твердо, будто у нас только что состоялся очень серьезный разговор. Силвер тоже поднялась на звук хозяйского голоса. На подушке от ее тела осталась вмятина в форме орешка кешью, теплая на ощупь.

– Завтрак на столе, – сказал Джеймс. – Нужно поскорее выезжать, чтобы проскочить до пробок.

Он положил на стол свежие рогалики и поставил креманку со сливочным сыром. Силвер забралась на стол и, переступив через мой рогалик, принялась лизать сыр. Был виден ее язычок, маленький и острый, как пламя свечи.

Кошка остановилась, посмотрела на меня и вернулась к своему занятию. Впечатленная ее дерзостью, я решила ничего не говорить Джеймсу, который спиной к нам собирал вещи. Музыка у него в наушниках играла так громко, что я слышала ее со своего места за столом. Мама разрешала мне включать музыку не больше чем на половину возможной громкости. Прищурившись, я смотрела на пританцовывающего Джеймса и гадала, что о нем подумала бы моя мама. Скорее всего, сочла бы его дурачком. Как только я дала себе такой ответ, он отделился от изначального вопроса и превратился в убеждение. Хорошо бы видеть все таким, какое оно есть на самом деле, но было поздно: я уже посмотрела на ситуацию глазами матери. И теперь Джеймс и мне стал казаться дурачком.

Джеймс был моим первым парнем. У меня и раньше случались влюбленности, но я даже не задумывалась о серьезных отношениях. В детстве я считала мужчин бесполезными. Мне нужна была только мама, и она не возражала. Когда я впервые спросила ее о своем отце, она крепко прижала меня к себе, так что мои губы впечатались в ложбинку ее шеи.

– Девочки вроде нас, – сказала она, – должны держаться друг друга. Нам больше никто не нужен. А то получится перебор. Правда?

И я согласилась. Невозможно было представить, что я полюблю другого человека точно так же, как маму. Будь у меня отец, он бы чувствовал себя очень одиноко. Страдал бы.

Я наблюдала за танцующим Джеймсом и ощущала, как грудь сдавливает вина, будто я подсматриваю за незнакомцем в интимный момент. Тут он повернулся и, покачивая плечами, поманил меня присоединиться. Вина сразу испарилась. Я встала, чтобы его поцеловать.

– А ты не торопишься, – заметил Джеймс: я почти не притронулась к кофе. – Добавить молоко и сахар?

– Да, – согласилась я, поскольку он уже взял мою чашку и пошел к холодильнику. – Побольше.

Я сделала глоток, но кофе оказался таким сладким, что я выплюнула его обратно. Силвер посмотрела на меня с любопытством и понюхала чашку. Джеймс как раз отвернулся, и я дала кошке попробовать кофе. Она принялась лихорадочно лакать. Я заглянула в чашку и с удивлением обнаружила, что та практически пуста. Силвер встретилась со мной взглядом и прыгнула со стола. На этот звук Джеймс обернулся, и я выставила вверх большой палец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.